

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ | POLITICAL SCIENCES

Современная наука и инновации.
2023. № 3 (43). С. 167-174.
Modern Science and Innovations.
2023; 3(43):167-174.

Анаит Аслановна Тонян
[Anait A. Tonian]

Научная статья / Original article

УДК 327
<https://doi.org/10.37493/2307-910X.2023.3.16>

Южный Кавказ и региональные акторы
через призму типологии культурных
измерений Г. Хофстеде: сравнительный
анализ

The South Caucasus and regional actors
through the prism of the typology of cultural
dimensions of G. Hofstede: comparative
analysis

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия, aatonian@ncfu.ru /
North Caucasian Federal University, Stavropol, Russia, aatonian@ncfu.ru

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка сравнительного анализа стран Южного Кавказа с использованием типологии культурных измерений Г. Хофстеде, а также рассматриваются посредством данной типологии страны, претендующие на лидерство в регионе, а именно Иран, Россия и Турция. Поскольку под лидерством автор статьи понимает не только военно-политическое и экономическое превосходство, но и культурное (что особенно важно в контексте рассмотрения политики мягкой силы), представляется необходимым включить в объект анализа и вышеназванные страны. Это позволит понять специфику межнациональных отношений посредством измерения культур.

Ключевые слова: типология культурных измерений, Южный Кавказ, Иран, Россия, Турция

Для цитирования: Тонян А. А. Южный Кавказ и региональные акторы через призму типологии культурных измерений Г. Хофстеде: сравнительный анализ // Современная наука и инновации. 2023. № 3 (43). С. 167-174. <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2023.3.16>

Abstract. This article attempts a comparative analysis of the countries of the South Caucasus using the typology of cultural dimensions of G. Hofstede, and also considers, through this typology, countries that claim leadership in the region, namely Iran, Russia and Turkey. Since the author of the article understands leadership not only as military-political and economic superiority, but also cultural (which is especially important in the context of considering the policy of soft power), it seems necessary to include the above-mentioned countries in the object of analysis. This will allow us to understand the specifics of interethnic relations through the measurement of cultures.

Keywords: typology of cultural dimensions, South Caucasus, Iran, Russia, Turkey

For citation: Tonian AA. The South Caucasus and regional actors through the prism of the typology of cultural dimensions of G. Hofstede: comparative analysis. Modern Science and Innovations. 2023;3(43):167-174. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2023.3.16>

Введение. Одним из трендов современных международных отношений стал дрейф мирового порядка в сторону многополярности. В условиях трансформации международных отношений в ряде регионов с конфликтным потенциалом сохраняется напряженность. К числу таковых на современном этапе можно отнести Южный Кавказ. После распада СССР, новообразовавшиеся республики прошли непростой путь суверенизации, преодолевая проблемы, доставшиеся в «наследство» от советской эпохи. Неудовлетворенность сторон решениями этих проблем до сегодняшнего дня служит почвой для разногласий между государствами и создает угрозу вмешательства третьих стран в дела региона.

Вместе с тем, для современной системы международных отношений характерен рост популярности несиловых способов решения внешнеполитических задач. Речь идет о политике мягкой силы, ставящей целью распространение влияния одного государства за счет популяризации определенных ценностей и идей среди населения другого государства. В таком контексте представляется необходимым изучение культурно-ценностных ориентиров различных обществ с целью оценки их потенциала, как в деле распространения своих ценностей, так и восприимчивости к другим.

Материалы и методы исследований. Целью исследования является выявление аксиологических установок нации на взаимодействие с другими обществами. В качестве объекта рассматриваются две группы стран: первая это государства Южного Кавказа (Армения, Азербайджан, Грузия), которые стали ареной борьбы целого ряда стран в попытке установить свое лидерство в регионе, вторая объединяет крупных региональных игроков, оказывающих существенное влияние на расстановку сил на Кавказе, а именно Иран, Россию и Турцию, а также образующих так называемую платформу сотрудничества с целью обеспечения мира и стабильности – «три плюс три» [7]. Многовековое соседство этих стран не могло не сказаться на особенностях их взаимоотношений на современном этапе: от партнерского (Турция и Грузия, Армения и Иран) и союзнического (Армения и Россия, Турция и Азербайджан) типов до открытого враждебного (Армения и Азербайджан, Грузия и Россия).

Для решения поставленной цели предлагаем обратиться к типологии культурных измерений нидерландского социолога и почетного члена Международной ассоциации кросс-культурной психологии Герта Хофстеде (1928 – 2020 гг.). Данная теория разрабатывается в 1980-х гг. и является одной из наиболее популярных моделей изучения национальных обществ и культур [5, с. 26]. На основе факторного анализа данных, полученных в ходе социального опроса сотрудников американской компании IBM, занимающейся производством и поставкой аппаратного и программного обеспечения, создается уникальная шестифакторная модель количественного измерения культурно-ценностных особенностей наций по шкале рейтинга от 1 до 100. Г. Хофстеде основывает и руководит отделом кадровых измерений IBM Europe, проводя свои опросы в 50 странах, имеющих филиалы компании. В 1980 г. он публикует свою книгу «Последствия культуры» [9], которая излагает основную суть его теории, личный опыт, и в дальнейшем неоднократно переиздается.

В период с 1990 по 2002 гг. исследование расширяется качественно и количественно: объектами опросов становятся пилоты коммерческих авиакомпаний, студенты, менеджеры и прочие категории лиц, а количество стран увеличивается до 76. В усовершенствовании типологии Хофстеде оказали содействие такие специалисты как Майкл Харрис Бонд – канадский исследователь в области социальной психологии и Михаил Минков – болгарский лингвист. Благодаря М.Х. Бонду, специализирующемуся на странах Азии, появляется новый фактор культурного измерения стран Востока, получивший название «конфуцианский динамизм» и ставший основой для появления пятого параметра в типологии культурных измерений – долгосрочная ориентация. К ценностям, характеризующим этот параметр, относятся: принятие одновременно нескольких верных точек зрения, возможности множественности истины и правды в разные периоды и при различном контексте происходящего; прагматический подход к событиям; готовность к переменам и любым результатам этих перемен; готовность жить во имя будущего; упорство и бережливость,

статусная иерархия отношений, личная устойчивость и стабильность [3, С. 117]. В свою очередь благодаря М. Минкову, использовавшему данные крупного международного исследовательского проекта «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey) и проанализировавшего данные 93 стран, в 2010 г. появилось последнее шестое измерение. Ознакомиться с полученными результатами можно на академическом веб-сайте «Hofstede Insights» [10].

На данный момент — это самостоятельная организация, позиционирующая себя как консультант по культурной аналитике и стратегии со штаб-квартирой в г. Хельсинки и насчитывающая более 150 сотрудников и координаторов проекта в более чем в 60 странах. В основном на современном этапе проект нацелен на коммерческие организации с целью предоставления им помощи в виде консультаций и обучения для эффективного управления компанией, расширения охвата целевой аудитории, выхода на новые рынки и т.д.

Результаты исследований и их обсуждение. Типология в настоящее время базируется на шести параметрах: дистанцированность от власти, индивидуализм, мужественность (маскулинность), избегание неопределенности, долгосрочная ориентация и допущение (индугенция). Сочетание этих параметров позволяет сформировать достаточно полное представление о культуре той или иной страны. Необходимо добавить, что теория Г. Хофстеде становится одной из первых работ в области межкультурной коммуникации, поддающиеся количественной оценке, которую можно было бы использовать для объяснения различий между культурами [6, с. 145]. Несмотря на то, что данная теория применяется в основном в таких областях знаний как культурология и социология, в рамках данной статьи предпринимается попытка ее применения в исследовательском поле международных отношений.

Первый параметр – индекс дистанции власти (power distance) – напрямую связан с политической активностью граждан, поскольку отражает степень согласия членов общества с существующей иерархией и допущения неравномерности распределения власти. Страны, в которых люди преимущественно согласны с тем, что власть должна быть распределена неравномерно, а отношения в обществе базироваться на неравенстве, относятся к культуре с большой дистанцией власти. В культурах с низким индексом люди стремятся к равномерному распределению власти в различных сферах общественной жизни для формирования более справедливого порядка [8, с. 78]. Любопытно, что у Армении и Азербайджана одинаковые показатели и равны 85, что означает принятие обществами этих стран сложившегося порядка. Разработчики типологии также отмечают, что «несоответствие между более и менее властными людьми приводит к росту значения символов статуса» [11]. Последнее можно видеть даже на примере двух диаспор, представители которых также являются носителями своих культурных норм независимо от места проживания. Статусность среди представителей обеих этнических групп часто выражается в использовании внешней атрибутики и является предметом для широкой публичной демонстрации. Социальный статус нередко отражается в одежде, аксессуарах, поведении и т.д. У Грузии данный показатель заметно ниже в сравнении с вышеперечисленными республиками – 65, но при этом ее нельзя отнести к группе с низкой дистанцией власти.

Среди стран, претендующих на лидерство в регионе, к которым традиционно относят Иран, Россию и Турцию также нет заметно низких показателей индекса дистанции власти: самый высокий у России (93), далее следует Турция, чей показатель практически равен показателю Грузии (66), и наименьшее значение у Ирана – 58. То есть, невзирая на разницу в политическом устройстве и режимах указанных государств, по индексу дистанции власти они образуют одну группу и разделяют схожие ценности (см. Рис.1-2).

Такое положение выгодно потенциальным лидерам, поскольку не подвергает сомнению их авторитет и могущество перед менее развитыми в политико-экономическом смысле государствами Южного Кавказа.

Второй параметр типологии называется индивидуализм (individualism). Он свидетельствует о степени взаимозависимости членов общества и о категориях, которыми

определяют себя сами члены этого общества: «я» или «мы». Все рассматриваемые в статье нации относятся к числу коллективистских: армянское и азербайджанское общества являются самими коллективистскими из рассматриваемых (их показатели равны 22), далее одинаковые показатели у Грузии и Ирана (41), у России и Турции они равны 39 и 37 соответственно. Конечно, неоспоримым плюсом коллективизма можно считать высокую степень консолидации обществ, что важно в условиях этнополитических конфликтов, но, с другой стороны, данное свойство может создавать препятствия в продвижении прогрессивных частных инициатив. Так, наглядно иллюстрирует позитивное проявление коллективизма ликвидация последствий Спитакского землетрясения в Армении в 1988 г., разрушившего практически всю северную часть республики, охватив территорию с населением около 1 млн. человек. «Ни один ребенок после землетрясения не оказался в детском доме – каждая армянская семья считала своим долгом усыновить сирот» - пишет информационное агентство «Новости-Армения» [1].

При анализе данного индекса нельзя не вспомнить и так называемую теорию «фейса» Стеллы Тинг-Туми – профессора в области межкультурной коммуникации Калифорнийского университета, особенно популярную при рассмотрении межкультурных конфликтов. «Фейс» или «лицо», согласно этой теории, представляет собой публичный образ, который каждый член общества использует в процессе взаимодействия с другими людьми. В коллективистских обществах очень важно не терять «лицо» в связи, с чем переговорные процессы между сторонами конфликта сложно назвать конструктивными, поскольку уступки могут быть восприняты в таких обществах как проявление слабости и поставить под сомнение лидерские качества делегата. К тому же, в соответствии с теорией «фейса», представители индивидуалистских культур уделяют больше внимания собственному «лицу», а представители коллективистских культур – «лицу» оппонента. С данным утверждением сложно не согласиться. Это подтверждает контент каналов в социальных сетях и аккаунтов общественных деятелей, комментарии пользователей, которые буквально пронизаны описаниями «чужого», при этом без обращения к себе (например, в армянском общественном дискурсе большое внимание уделяется характеристике азербайджанской стороны, причем не всегда это носит персонифицированный характер и аналогичная ситуация в азербайджанском). На таких платформах как Telegram существует множество каналов, созданных активистами из обеих стран («Девичья башня», «Caucasian Bureau» – наиболее крупные каналы азербайджанского русскоязычного инфосегмента, «Армянская вендетта» и «Mika Badalyan» – армянского), где нередко в постах и в комментариях звучат оскорбительные слова в адрес друг друга: от «сепаратистов» и «террористов» до «свиней» и «баранов». Также в данном контексте нельзя не упомянуть о том, что нередко в армянском устном и медиа-дискурсе азербайджанцы и турки могут использоваться как синонимы. Последнее объясняется отождествлением исторических событий геноцида армян в Османской империи с этническими чистками в Азербайджанской ССР [2, с. 92].

Еще одним примером может служить распространенный в Иране акт таарофа, который выражается в речевых, письменных или поведенческих формах вежливости. Само слово таароф с арабского буквально переводится как «знать друг друга», на практике же представляет собой демонстрацию чрезвычайной вежливости к собеседнику, но при этом существуют строгие каноны ее применения. Важность таарофа для иранцев подтверждает, например, А. Изади отмечая, что в случае несоблюдения того или иного правила таарофа возможна задержка в реализации делового соглашения, получении денежной суммы. Исследователи справедливо отмечают, что с точки зрения человека, не знакомого с персидской культурой, «таарофная» коммуникация может показаться «вербальным танцем», построенным по определенным принципам и наполненным стереотипными этикетными формулами [4, с. 306]. Представители коллективистских культур, в особенности кавказские, даже не зная в теории о таарофе, вполне смогут поддержать таарофную коммуникацию ввиду схожести ценностей [4, с. 308].

Индекс маскулинности (masculinity) демонстрирует степень нацеленности людей на достижение успеха любой ценой и делит общества на «мужские» (маскулинные) и «женские» (феминные). К ценностям первого типа обычно относят упорство, настойчивость, нацеленность на выполнение задачи, амбициозность, ориентированность на достижение успеха и обладание материальными ценностями, в то время как второй тип характеризуется уступчивостью, податливостью, скромностью, заботой о близких и т.д. В «мужских» обществах как видно из названия доминирующая роль отводится мужчине, а в «женских», как правило, существует равноправие полов.

Примечательно, что кавказские республики, сохраняющие патриархальные устои, находятся в промежуточном положении и не имеют явно доминирующей культурной ценности (показатели Армении и Азербайджана равны 50, а Грузии – 55), в то время как Иран, Россия и Турция относятся к «женским» типам. Однако, если, например, такие скандинавские страны как Дания, Норвегия или Швеция являются «женскими» ввиду того, что придают большое значение комфорту и уровню жизни, то «женские» общества Ирана, России и Турции связывает скромность как в оценке своих способностей и достижений, так и в изложении собственного мнения, ввиду чего уровень жизни интеллигенции в этих обществах гораздо ниже, чем у коллег в Европе. Это также отражается и в поведенческих нормах. Например, иранцы в повседневном общении не навязывают своего мнения, даже если они не согласны с собеседником [4, с. 301]. Таким образом, отнесение стран к одним и тем же типам обществ может быть обусловлено разными обстоятельствами в связи, с чем даже при наличии близких показателей это не гарантирует взаимопонимание на культурно-ценностном уровне.

Довольно интересный аспект типологии связан с индексом избегания неопределенности (uncertainty avoidance). Он демонстрирует, насколько общество ценит стабильность и готово к рискам. Страны с высокими показателями не отличаются гибкостью и толерантностью, для них свойственны высокий уровень тревоги и стресса, вследствие чего в них ощущается постоянная угроза опасности. Конечно, таким культурам сложнее адаптироваться в меняющихся условиях, а высокая эмоциональность мешает поиску и принятию верных решений. Все рассматриваемые страны отличает высокий уровень избегания неопределенности (самый высокий у России – 95, у Армении и Азербайджана по 88, у Турции и Грузии по 85 и самый низкий у Ирана – 59). Можно смело предположить, что данный индекс отражает повышенную конфликтность региона, в частности присутствием здесь так называемых «замороженных конфликтов» (грузино-южноосетинский, грузино-абхазский и нагорно-карабахский). Анализируемые общества высоко ценят безопасность, что можно объяснить, в том числе наличием института обязательной воинской службы по призыву во всех указанных странах.

Многое о культуре можно констатировать при анализе ее отношения ко времени, это позволяет получить представление о способности нации к постановке стратегических целей и задач и их осуществлении. Об этом свидетельствует пятый параметр – долгосрочная ориентация (long term orientation). Высокий индекс говорит о более внимательном отношении ко времени у людей, о прагматичности и расчетливости, низкий же, наоборот, о приверженности традициям, поэтому такие общества типология называет нормативными (normative societies). Среди рассматриваемых обществ самый высокий показатель у России (81) – отмечается адаптивность традиций российского общества к меняющимся условиям. Относительно прагматичными выступают армянская и азербайджанская культуры (61), для которых важное значение имеет общественный порядок. Может показаться, что «бархатная революция» в Армении не совсем вписывается в модель ценителей общественного порядка, однако здесь необходимо особо отметить мирный характер революции, отсутствие жертв и разовость явления. Грузия (38) и Иран (14) относятся к нормативным культурам, сосредоточенным преимущественно на достижении быстрых результатов. Так, обе страны объединяют сложности в долгосрочном стратегическом планировании, в том числе в масштабах геополитики, а также богатый опыт массовых протестов и демонстраций, что

свидетельствует о стремлении обществом быстрого удовлетворения своих потребностей, которое характерно для стран с низким индексом долгосрочной ориентации. Турция (46) здесь занимает промежуточное положение и не может быть отнесена ни к одному из двух типов. Отсутствие доминирующих паттернов той или иной культуры позволяет туркам с пониманием относиться к идеям и ценностям обществ обоих типов.

Последний параметр в типологии культурных измерений – снисходительность, или как еще нередко встречается в отечественной литературе определение – допущение (indulgence), считается мерой счастья, которая обуславливается возможностью удовлетворения своих желаний. Типология делит общества на «сдержанные» (restraint) и «снисходительные» (indulgent). Все рассматриваемые нами культуры относятся к «сдержанным», за исключением Турции, вновь занимающей промежуточную позицию с количественным показателем 49. Разработчики типологии указывают, что для «сдержанных» обществ характерен цинизм и пессимизм, они не уделяют особого внимания досугу и контролируют удовлетворение своих желаний, в то время как «снисходительные» свободны в осуществлении собственных интересов [11]. Показатели у России самые низкие (20), далее следуют Азербайджан (22), Армения (25), Грузия (32) и Иран (40). По поводу сравнительно высокого показателя у Ирана можно предположить, что это объясняется возможностью следовать своим духовным идеалам, выраженным в соблюдении исламских ритуалов и традиций. Что касается Южного Кавказа, то вероятно высокая напряженность в регионе, неоднократные военные конфликты за непродолжительный период независимости оказали свое влияние, учитывая, что появление и нарастание этой напряженности как раз наблюдается с 80-х гг. прошлого столетия (сумгаитские погромы, грузино-абхазский конфликт), когда Г. Хофстеде проводил свои первые исследования.

Помимо рассмотренного следует отметить еще одну характеристику, объединяющую практически все рассматриваемые страны – это ностальгия и гордость: по имперскому прошлому у Ирана, России и Турции и царскому у Армении (древнее государство Великая Армения) и Грузии (средневековое Грузинское царство). Это также оказывает особое значение на культурные ценности, восприятие самих себя и позиционирование на глобальном уровне. К тому же, эти ценности тесно переплетаются с идеологией, служат основой для пропаганды и поиска союзников (примером может служить идеология пантюркизма с идеей создания Великого Турана).

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о достаточно высокой культурной близости обществ рассматриваемых государств, а установление добрососедских отношений между конфликтующими государствами позволило бы достаточно эффективно проводить политику мягкой силы, успешность которой обеспечивается в первую очередь высокой усвояемостью продвигаемых культурных ценностей, несмотря на имеющиеся этнокультурные и языковые различия. Наибольший интерес представляют показатели враждующих Армении и Азербайджана - из шести параметров пять оказались абсолютно одинаковыми и лишь минимальная разница показателей по шестому параметру – взаимная неприязнь двух обществ, подпитываемая политиками сочетается абсолютной идентичностью этих культур с точки зрения разделяемых ценностей. Даже христианские республики Кавказа, как выяснилось, имеют гораздо меньше сходств, чем разные с религиозной позиции на первый взгляд армянское и азербайджанское общества. То, что религия не играет ключевой роли, подтверждают и данные по Азербайджану и Турции. Несмотря на единое этническое происхождение и религиозную близость – общества в культурном измерении имеют не так много общего. Это лишний раз доказывает, что нередко именно политические разногласия являются главным препятствием на пути к нормализации межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Армения скорбит по жертвам Спитакского землетрясения в 30-ю годовщину трагедии // Новости-Армения, декабрь 2018. URL: <https://newsarmenia.am/news/society/armeniya-otmechaet-30-yu-godovshchinu-spitakskogo-zemletryaseniya/> (дата обращения: 03.05.2023)
2. Арутюнян Г. Образ азербайджанцев в армянских интернет-форумах // 21-й век. 2016. № 1 (38). С. 84–102.
3. Беленова Н. Н. Китайский менеджмент: конфуцианский динамизм и причины успеха // Вестник Воронежского государственного университета. 2016. № 1. С. 116–120.
4. Бэни Ф. А. Таароф в иранском речевом этикете // Вестник РГГУ. 2022. № 8. Ч. 2. С. 299–316.
5. Гузикова М. О. Основы теории межкультурной коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 124 с.
6. Науменко Т. В., Морозова Д. А. Теория межкультурных измерений Г. Хофстеде как методологическая основа исследования современных социальных процессов // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 1 (30). С. 144–154.
7. Первое заседание формата «3+3» по Южному Кавказу пройдет в Москве 10 декабря // Российское информационное агентство ТАСС, декабрь 2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13152917> (дата обращения: 05.05.2023).
8. Пушных В. А. Межкультурный менеджмент. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. 180 с.
9. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values, 1980. Beverly Hills/London: Sage, 474 p.
10. Hofstede Insights. [Official website] URL: <https://www.hofstede-insights.com> (accessed: 02.05.2023)
11. Hofstede Insights. Country Comparison. [Official website] URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/armenia,azerbaijan/> (accessed: 02.05.2023)
12. Samovar LA, Porter RE, McDaniel ER. Communication Between Cultures. USA: Macmillan Publishing Solutions, 2010. 463 p.

REFERENCES

1. Armenia skorbit po zhertvam Spitakskogo zemletryaseniya v 30-yu godovshchinu tragedii // Novosti-Armeniya, dekabr' 2018. URL: <https://newsarmenia.am/news/society/armeniya-otmechaet-30-yu-godovshchinu-spitakskogo-zemletryaseniya/> (accessed: 03.05.2023)
2. Arutyunyan G. Obraz azerbajdzhancev v armyanskikh internet-forumah. 21-j vek. 2016;1(38):84-102.
3. Belenova NN. Kitajskij menedzhment: konfucianskij dinamizm i prichiny uspekha. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016;1:116-120.
4. Beni FA. Taarof v iranskom rechevom etikete. Vestnik RGGU. 2022;8(2):299-316.
5. Guzikova MO. Osnovy teorii mezhkul'turnoj kommunikacii. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 2015. 124 p.
6. Naumenko TV, Morozova DA. Teoriya mezhkul'turnyh izmerenij G. Hofstede kak metodologicheskaya osnova issledovaniya sovremennyh social'nyh processov. Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kul'tury. 2018;1(30):144-154.
7. Pervoe zasedanie formata «3+3» po Yuzhnomu Kavkazu projdet v Moskve 10 dekabrya. Rossijskoe informacionnoe agentstvo TASS, dekabr' 2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13152917> (accessed: 05.05.2023).
8. Pushnyh VA. Mezhkul'turnyj menedzhment. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 2011. 180 p.
9. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values, 1980. Beverly Hills/London: Sage, 474 p.
10. Hofstede Insights. [Official website] URL: <https://www.hofstede-insights.com> (accessed: 02.05.2023).

11. Hofstede Insights. Country Comparison. [Official website] URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/armenia,azerbaijan/> (accessed: 02.05.2023).

12. Samovar LA, Porter RE, McDaniel ER. Communication Between Cultures. USA: Macmillan Publishing Solutions, 2010. 463 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тонян Анаит Аслановна – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, г. Ставрополь, Россия, +79624408352

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anait A. Tonian – Cand. Sci. (Hist.), Senior Lecturer, Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasian Federal University, 1, Pushkin st., Stavropol, Russia, +79624408352

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию: 10.07.2023;
одобрена после рецензирования: 14.08.2023;
принята к публикации: 08.09.2023.*

*The article was submitted: 10.07.2023;
approved after reviewing: 14.08.2023;
accepted for publication: 08.09.2023.*